

Предчувствия его (то бишь меня) не обманули: кабинет директора московского Дома кино являл собой черновую набросок будущего музея развития демократии в постсоветской России. Развешенные по стенам листки бумаги (от датированного июлем 89-го года письма депутата Бориса Ельцина с просьбой помочь в организации встречи с общественностью до президентской благодарности, выданной в июле 96-го) роднил адресат — Юлий Гусман. Пока я рассматривал экспонаты, Гусман, не ожидая вопроса, взялся за дело:

— Знаете, за что я в первую очередь благодарен родному Баку, всему Кавказу? Живя там, мне удалось понять природу мужского достоинства. За каждое слово и дело на Кавказе всегда держали ответ — никого нельзя было незаслуженно обидеть, оскорбить. Все знали: если меня накажут без причины, завтра встанет вся моя семья — отец, мать, братья, сестры, дяди, тети... Они не успокоятся, пока обида не будет отомщена. Вот говорят: Сталин — зверь, деспот, он детей убивал. Да, это так, но главное, что Иосиф Виссарионович — кавказский человек, он понимал: пока не выкосят всю родню своих врагов до десятого колена, не видать ему спокойной жизни.

Это я к чему? Кавказские традиции в России не живут, их здесь не понимают. Иначе Россия никогда не полезла бы в Чечню. Посмотрите на израильтян. Объективно они гораздо сильнее армий окружающих арабских стран, не говоря уже о палестинцах. Тем не менее Израиль предпочитает не воевать, а договариваться. В Иерусалиме знают: чтобы победить арабов, их придется убить всех до единого. Мир обойдется дешево.

На Кавказе — все за одного, а здесь — все на одного. А мне даже за Ерина и Грачева обидно. Почему вчера дружно лизали им задницы, а сегодня столь же дружно плюют в спину? Завтра утром придут суровые мужчины, погрузят в суровые воронки несколько тысяч самых смелых и говорливых, и страна опять провалится в глубокое молчание. Никто не заступится за увезенных, каждый будет думать о своей шкуре. Когда бьют по башке, это быстро отрезвляет.

— Видимо, вас, Юлий Соломонович, крепко били, раз вы запомнили те уроки на всю жизнь?

— Я не удостоился чести называться уличным хулиганом: у меня папа — профессор, мама — профессор, я был правительственным интеллигентным еврейским мальчиком, но те уроки — да, запомнил. И удар держать научился. Раньше я безумно обижался, когда на меня наезжали в пресс-

се. Особенно огорчался, что претензии были не по делу. Никогда не мог понять: за что? А потом сообразил: один затаил камень за пазухой из-за того, что я ему билет на "Нику" не в тот ряд дал, второй завидует моему удачливости, третий вообще никого не любит... Когда мне это открылось, я понял, что обижаться нелепо и даже глупо. Пусть пишут о гусманизации всей страны, о чем угодно — меня это больше не колешет.

— А гусманизация в чем заключается?

— Это один известный молдавский режиссер подобным образом отозвался о вручении призов последней "Нику". Мол, Гусман свет в народе дурнокусит и бескультурье, отдавая призы таким фильмам, как "Барышня-крестьянка", "Мусульманин" и "Особенности национальной охоты". Человек с легкостью навешивает другим ярлыки, выдает безапелляционные оценки, оскорбляет коллег.

— Извините, Юлий Соломонович, я не успеваю следить за вашей логикой: начинали вы с рассказа о кавказских традициях, потом вдруг перепрыгнули на Никуны обиды...

— Да, я люблю растекаться мыслями по древу. Это называется ходом ассоциативного мышления, что, в принципе, присуще сумасшедшим.

— Вы еще и самокритичный товарищ. Или, может, это трезвая оценка из уст бывшего психиатра?

— Все люди делятся на шизоидов и на людей с маниакально-депрессивным синдромом. Первые всю жизнь упорно идут в одинажды выбранный направлении. Из них в результате получаются гении или графоманы, ибо у тех и у других одна лишь в жизни страсть. Я знаю шизоидов — замечательных художников, писателей, журналистов. На них мысль о работе действует, как на маньяка вид пятнадцатилетней девочки с голым полком. Глаза начинают блестяще, отделяется слюна...

Маньяко-депрессанты реже рождают гениев. Эти люди разбрасываются, берутся за то, за се, им все интересно.

— Вы, конечно, шизоид?

— Нет, я гордый обладатель маниакально-депрессивного синдрома.

— Это безвредно для окружающих?

— Вы смотрите на меня с таким ужасом... Я не кушаюсь, не боюсь.

— А вы, конечно, шизоид?

— Нет, я гордый обладатель маниакально-депрессивного синдрома.

— Это безвредно для окружающих?

— Вы смотрите на меня с таким ужасом... Я не кушаюсь, не боюсь.

— А вы, конечно, шизоид?

— Нет, я гордый обладатель маниакально-депрессивного синдрома.

— Это безвредно для окружающих?

— Вы смотрите на меня с таким ужасом... Я не кушаюсь, не боюсь.

— А вы, конечно, шизоид?

— Нет, я гордый обладатель маниакально-депрессивного синдрома.

— Это безвредно для окружающих?

— Вы смотрите на меня с таким ужасом... Я не кушаюсь, не боюсь.

И все же давайте, Юлий Соломонович, не будем углубляться в дебри психиатрии, поговорим о чем-нибудь более безопасном. В потоке сознания, который вы называете ассоциативным мышлением, я зацепился за фразу о суровых людях в суровых воронках. Как думаете, они за вами приехали бы?

— Думаю, эти меня не тронули бы. Я утратил для них привлекательность. Когда-то, возможно, я входил в список главных врагов, но сегодня это не столь актуально. Если и забили бы меня, то чисто профилактически и не в первый раз. Конечно, осталась традиционная ненависть к гусманам, соломоновичам и так далее, это чувство присуще и коммунистам, и фашистам, и демократам. Однако надо учитывать: если в течение ближайших пяти лет меня не заметят, то из категории жидовских мурд я вполне могу переключиться в категорию лучших, достойнейших представителей русского народа, где уже заняли свое место Майя Плисецкая, Михаил Ботвинник, Михаил Жванецкий, Григорий Горин, Аркадий Райкин, Исаак Дунаевский... Я себе не ставлю в один ряд... пока не ставлю.

— Предлагаю рассмотреть варианты. Начнем, как водится, с коммунистов.

— Думаю, эти меня не тронули бы. Я утратил для них привлекательность. Когда-то, возможно, я входил в список главных врагов, но сегодня это не столь актуально. Если и забили бы меня, то чисто профилактически и не в первый раз. Конечно, осталась традиционная ненависть к гусманам, соломоновичам и так далее, это чувство присуще и коммунистам, и фашистам, и демократам. Однако надо учитывать: если в течение ближайших пяти лет меня не заметят, то из категории жидовских мурд я вполне могу переключиться в категорию лучших, достойнейших представителей русского народа, где уже заняли свое место Майя Плисецкая, Михаил Ботвинник, Михаил Жванецкий, Григорий Горин, Аркадий Райкин, Исаак Дунаевский... Я себе не ставлю в один ряд... пока не ставлю.

Понимаете, есть определенная закономерность: если ты заметен, то и уязвим — до какого-то момента. Тебя бьют, толкают, обижают, наезжают. Ты отвечаешь и — растешь. Многие в этом процессе борьбы погибают — физически, химически, биологически, духовно, этически, но те, кто проходит испытание, сразу попадают в разряд классиков. Вдруг оказывается, что их уже трогать нельзя. Скажем, Михаил Жванецкий и Алла Пугачева когда-то были страшно уязвимы для критики, а попробуй-ка сегодня сказать о них что-нибудь худое... Себе же дорожка! Что бы ни сделали эти люди, все будет воспринято в высшей степени благожелательно. Максимум, что могут себе позволить самые бесстрашные хулиганы, это принципиально промолчать. И это здорово!

Живых классиков у нас достаточно — от Эльдара Рязанова и Георгия Данелии до Иосифа Кобзона и Булата Окуджавы. Нет, я не подвергаю сомнению заслуги этих в высшей степени достойных людей. Слава Богу, что они выведены из зоны действия на-

шей непрофессиональной критики. Вот я мечтаю пополнить собой ряды дорогих и глубокоуважаемых шкафов.

— Какое из шкафов вам ближе — платяной или книжный?

— Любый! Лишь бы шкаф! Очень хочется. Шутки шутками, но защита, иммунитет от разнузданности сегодняшнего дня не помешали бы. Вы же понимаете: и у Жванецкого, и у Пугачевой внутри тикает свой собственный гамбургский счетчик. Какими бы хвалебными эпитетами ни награждали этих людей, как бы ни старались сделать из них икону, они все равно останутся самими строгими судьями себе. Одного и звездом, думаю, не мешаю внешний заслон от хамства, грубости, невежества. И им нужна своя система ПВО.

...Я жуткий самолюб и весьма критически отношусь ко всему, что делаю. О таланте не говорю, поскольку считаю себя среднестатистическим человеком.

У меня нет каких-то ярких, бьющих в глаза дарований. Я — типичный представитель леонардо-давинчевского направления, естественно, лишенный ослепительного блеска отцов-основателей школы. То есть я подмастерье, один из тех, кто не поднялся до высот гения, но что-то тоже соображает. Всю жизнь я был увлеченной натурой. В детстве, помню, сначала занимался выжиганием по дереву, потом мне надоело, стал собирать марки, затем увлекся спортом, перепробовав двенадцать видов.

— Сколько?

— Вы не ослышались. В шесть лет я решил, что пора становиться сильным, и пришел в школу гребец. Греб целый год. Потом бросил и пошел на бокс. Меня в первый же день избили, как собаку. Я был здоровым и толстым ребенком, и меня использовали в качестве груши. Самое обидное, что отдубасил меня мальш, которого, как мне казалось, я могу уложить одной левой... Из бокса я ушел, чтобы проверить себя в настольном теннисе.

Где-то получалось лучше, где-то хуже, но в любом случае дальше первого разряда подняться мне не удавалось. Для этого требовались физические данные, которыми я не располагал, нужны были большие усилия, чем я себе позволял. В фехтовании на саблях стал чемпионом Баку среди студентов, однако всерьез заниматься спортивной карьерой мне не показалося — и... Так всю жизнь.

— Это нескучно. Приход в "Тему" — очередная смена декораций или попытка поскорее приобрести классическую шкафообразность, о которой мы только что говорили?

— Какая шкафообразность? Я получил этим шкафом по башке! Объясню. Мой имидж уже состоялся, я стал мотом домкиношной жизни. В этом качестве меня признали и уже давно не трогают. Пошпицают "Нику", другие наши актеры, но на Дом кино как факт общественной жизни руку не поднимают. Набрал определенное количество регалий, я мог бы спокойно почивать, ожидая, пока меня автоматически зачислят в клан классиков — хотя и по разряду "директор клуба". Но желание побыстрее стать шкафом вступает во мне в противоречие с неумением этим шкафом быть.

У меня такая энергетика, что — по внутреннему самоощущению — я продолжаю оставаться молодым человеком. Внешне — я бородатый дедуган с большой задницей, а в душе — парень хоть куда. Возраст ведь не определяется густотой шевелюры или силой эрекции. Тело стареет раньше. Мне все интересно, до всего есть дело. Поскольку в нынешний исторический период я считаю телевидение важнейшим из искусств, поскольку я его неплохо знаю еще со времен КВНа и съемок "Ералаша", то не смог отказать Андрею Разбашу в его предложении попробовать в "Теме". У меня было много разных телепроектов, но все они умирали по одной причине — из-за отсутствия денег на производство программ. Если бы у меня были точные средства, неужели я ходил бы к кому-то? Основал бы собственную студию "Гусман-ТВ" и клепал бы передачи.

В случае с "Темой" у меня впервые не попросили ни копеечки на телепроизводство. Сначала я ради приличия пытался отказываться: мол, у меня толстая не только задница, но и шея, во рту у меня вечная каша — я не выговариваю четыре десятка звуков из тридцати шести и вместо "человек" произношу "чек", однако... Разбаш, обладающий талантом педагога, посмотрел на меня взглядом Макаренки, под которым я сразу почувствовал себя нищим беспризорином и тут же согласился записаться на пробу. Мы в один день сняли две "Темы". Я отнесся к этому как к экзамену, старался изо всех сил, но вышел из студии с ощущением, что потерпел сокрушительное фиаско. А "Вид" взял и поставил программы в эфир. Говорят, даже неплохо получилось.

— На самом деле говорят разное.

— Я же объяснял вам, что шкаф критики упал мне на голову... Собственно, иного и ожидать было трудно. Повторяю: я заложник имиджа. Меня привыкли видеть на сцене Дома кино или в юрии КВНа. И вдруг — "Тема". Стоило мне появиться, как сразу посыпались обвинения в легковесности, водевильности программ. Квинтэссенция претензий: была серьезная передача, а стало развлекательное шоу, которое ведет герой тусовки...

Позволю себе на время оставить шуточный тон нашей беседы, поскольку вопрос для меня чрезвычайно серьезен. Дело в том, что к моменту моего прихода "Тема" умирала. Когда программу придумал Влад Листьев (и, кстати, блестяще ее вел), все было вновь: живые люди на экране, открытые диалоги, свежие темы, острые вопросы, честные ответы... Постепенно все было раскрадено, развлекательное, доведено до крайней степени пошлости и абсурда. Пик всего этого пришелся на выборы. Телезрителю стало тошнить, как во время морской болезни, от обилия говорящих голов на экране, предлагающих рецепты, как нам обустроить Россию, город, соседнюю улицу или — в крайнем случае — сексуальную жизнь одиноких женщин.

Сейчас, на мой взгляд, наступило время вернуть телевизионный ток-шоу всю палитру взглядов на проблему. Как в музыке: одна и та же тема может прозвучать и в исполнении одинокого гобоя, и при полном составе симфонического оркестра. Мне интересно исследовать тему с разных сторон — не только с позиций экспертов и зрителей в студии, но и с точки зрения артистов, художников, писателей, поэтов.

И еще: помимо трагических и драматических тем, кроме обсуждения проблем серьезных и общественно важных, пора, наконец, поговорить и о культуре повседневной жизни, о нашем быте, о вопросах здоровья. Так уж исторически сложилось, что в нашей стране гораздо больше людей, читающих Федора Михайловича Достоевского, чем тех, кто умеет правильно подобрать галстук...

Кто-то сказал, что журналистика — это возможность удовлетворять собственное любопытство за чужой счет. Во мне сидит масса вопросов к самым разным людям, но раньше я не мог подойти к ним и просто так спросить о чем-то, а теперь я задаю вопросы собеседникам вроде как по делу...

— Это для вас тринадцатый вид спорта, которым вы будете заниматься, пока не доберетесь до первого разряда?

— Хочется верить, что в телебизнесе мой потолок все-таки повыше, чем в прыжках в длину... Другое дело, что в виде спорта, называемом ток-шоу, у России пока нет ни одного олимпийского чемпиона, хотя уже есть настоящие профи. Возможно, я и не поднимусь выше первого разряда, но могу сказать определенно: никогда еще я не получал такого количества благодарных слов за свою работу от самых разных людей. Слышу "Спасибо!" и на улицах, и в метрополитене...

— Вы ничего не перепутали: в метро?

Чему вы удивляетесь? Я достаточно часто езжу в общественном транспорте. С одной стороны, иногда это выгоднее и быстрее, чем на машине, с другой — я люблю ощущать вокруг себя жизнь.

— Чувство локтя придает вам силу и бодрость?

— Иногда нужно встречаться с незнакомыми людьми не по делу, а просто так, случайно. Когда приезжаю за границу, то непременно подолгу гуляю пешком, рассматриваю прохожих. Это очень интересное занятие, которому я предпочитаю походы в музей или на пляж.

Фраза "Он видел жизнь из окна автомобиля" не про мою честь. Конечно, у меня есть "Жигули" и служебная полманья "Волга", но и грязь московскую я месить не забываю.

Поймите, я не пытаюсь продемонстрировать свою близость к народу. Да, я мог бы купить себе подержанную иномарку с тонированными стеклами, договориться с друзьями, поставить на крышу авто мигалку и летать со свистом. Но дело в том, что выпендрей — не мой стиль. Зачем мне "Мерседес", если я искренне считаю, что по нашим дорогам нет машины лучше "Жигулей"? За границей я не отказываю себе в удовольствии прокатиться на красивой дорогой машине, ну так то на Западе, по их трассам. О чем речь!

В нашей жизни хватает условностей, зачем выдумывать дополнительные?

Сейчас я накупил галстуков и несколько новых костюмов, поскольку появляюсь на телеэкране и должен хорошо, как говорят поляки, выглядеть.

Раньше меня это не волновало, и я не слишком обра-

менял себя заботами о гардеробе. С другой стороны, терпеть не могу, когда новые русские, скулившие полмира, начинают, потупив глаза, рассказывать в телекамеру о том, что живут они в тесной двухкомнатной квартире, питаются с ближайшего оптового рынка и отдыхают ездить под Костромой.

— И я того же мнения. Поэтому и поразился, когда ваш давний знакомец Егор Гайдар стал вдруг с экрана телевизора рассказывать, что никогда в руках не держал кредитной карточки. Вы верите в это?

— Ничего не могу сказать о дне сегодняшнем — не знаю, но еще два с половиной года назад, когда у иных уже были чекмоданы этих кредиток, я собственными руками прикалывал иголкой завернувшийся от долгой носки бортник единственного выходного пиджака Егора Тимуровича. Понимаю, мне могут сказать: гусмановид прикрывает своих, а Гайдар специально сиротой прикидывался, а у самого на каких-нибудь Канарах — дворцы. Как кавказец, выросший при Советской власти, но в рыночных условиях, могу сказать, что Гайдар — абсолютно честный человек, кристально честный. По крайней мере, таким я его знал. Сегодня я реже общаюсь с Егором Тимуровичем, но, думаю, в этом смысле ничего не изменилось.

Благодаря маме и папе я могу назвать себя генетически честным, но взятки не беру еще и потому, что следую формуле "Для Атоса — слишком много, для графа де ла Фэр — слишком мало". Сегодня мне пообещают миллион, завтра я открою в Доме кино коммерческий киоск, а послезавтра весь Союз кинематографистов будет кричать, что Гусман — коррумпированная свинья и взяточник. Коллеги могут как угодно оценивать мои качества директора и режиссера, но никто не скажет, что я списал налево что-то один унитаз из Дома кино. Зачем мне этот позор, когда сегодня вполне можно заработать?

К выводу, что честь дороже денег, я во многом пришел эмпирическим путем. Для Гайдара же, на мой взгляд, это — аксиома, много не дано. Поэтому я верю, что Егор Тимурович говорит правду, отвечая, что не имеет кредитных карточек. Природа честности в том и заключается, что человек не может соврать. Конечно, чисто теоретически Гайдару ничего не стоило во время своего премьерства взять пару раз по пять миллионов долларов и закрыть экономическую проблему своей семьи навсегда. Но Егор Тимурович, которого я знал журналистом, экономистом и премьер-министром, никогда не опустился до воровства. Этот человек всегда сможет заработать столько, сколько ему нужно. Тырит обычно то, что ничего другого не умеет.

И кроме всего прочего: спрятать бабки невозможно, если, конечно, это не гений типа Плюшкина. Даже в ЦК партии наличие пакки "Мальборо" на столе и часов "Сейко" на руке служило верным сигналом: парень — не промах.

— Уже пять минут тяну руку вверх, моля о вопросе. Бог с вами, с чужими деньгами. Давайте сменим пластинку, уважим эти стены и скажем пару слов о кино.

— Говорить о веревке в доме повешенного? За мои цветущим видом и во многом показным воодушевлением скрывается глубокая обида кинематографистов. Обида на нашу власть, которая использует нас, артистов, когда мы ей, власти, нужны, и забывает в тот момент, когда цель достигнута. Это поведение моряка, снявшего в порту девушку, трахнувшего ее, получившего удовольствие, а потом еще и в лицо плюнувшего.

— Это то, чтобы Дом кино хоть как-то функционировал, нужно всего триста тысяч долларов в год! Мы же не получаем от государства ни копейки. За пять последних лет — ничего! Постоянно пишем письма, бегаем, просим. Сейчас вот пообещали стулья поменять...

— Когда выбираете между бастующими шахтерами и брызжанин Юлем Гусманом...

— У Юля Гусмана есть право брызжеть. Посмотрите еще раз на регалии, развешенные по стенам, на все эти благодарственные письма Бориса Ельцина. Я держу их на видном месте, чтобы все помнили: Дом кино был Смольным демократической революции, здесь проводила свои встречи с общественностью Межрегиональная депутатская группа, Ельцин сюда ходил, как на работу. Помню, мне звонили из аппарата президента СССР и спрашивали, за что я так не люблю Горбачева и люблю Ельцина.

Мы провели историю в истории России вечер Александра Солженицына и кассету с видеозаписью

круглыми путями переправили Александру Исаевичу в Вермонт. Я совсем недавно узнал, что Солженицын ту кассету тогда получил... Александр Исаевич мог бы дать нам ответ — имеет право, но я не понимаю, как о нас запомнела нынешняя власть, для которой мы столько сделали? Друзья советовали мне весной прошлого года, в период предвыборной президентской кампании: "Отправь факс Ельцину, напиши, что Дом кино гибнет, что нет денег, пригрозь уходом к оппонентам, если не помогут". Но не могу я шантажировать, используя момент. Я ведь с Ельциным по убеждению.

Называю себя Калифом на час, Золушкой. Но Золушке хотя бы вернули ее башмачок и в конце концов даже взяли замуж, а нам периодический только дают этим башмачком по морде. Мы, наш Дом кино, помогаем Ельцину и Лужкову не ради благодарностей или за "черный" нал. Все делалось искренне.

Я бы и остался убежденным ельцинстом. Большой, здоровый, но Ельцин — вектор, это главное для истории. Направление Россия выбрала правильное, поэтому мы и дальше будем поддерживать Бориса Николаевича. Да, сейчас время не лучшее, мы попали в нишу, в "запелендо". Но и в этой "запеленде", в этой тяжелой экономической ситуации власть не имеет права забывать о культуре, о детях, о стариках. Прежде ничего такого себе не позволяли. В годы Великой Отечественной мой отец был главным врачом Каспийской флотилии. Зимой 41-го он по делам оказался в Москве, а потом вернулся в Баку и написал в местную газету статью о том, что его больше всего поразило в столице, у порога которой стояли фашисты. В городе продолжали работать театры, и люди ходили в них. Сейчас, кажется, нет войны...

Сидящие наверху сами рот не могли. Их никто не любит, никто. Кстати, поэтому о нынешней власти нет ни одной песни.

— Но было же "Голосуй или проиграть".

— Я говорю не об одиозных типах "Борис, борись!" Настоящих песен нет.

— Добавьте: не то, что раньше. Остается только пропеть: "Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз". Кстати, это правда, что вам больше года не давали в Москве прописку после того, как пригласили из Баку на место директора Дома кино?

— Наверное, я и не получил бы никогда эту прописку, если бы не настойчивость Вити Мережко, Армена Медведова и Андрея Смирнова. После легендарного Пятого съезда Союза кинематографистов, утвердившего меня в должности, руководство нашего Союза написало в горком партии письмо-представление, после которого мне нужно было срочно вручать Ленинскую премию или избирать президентом США. Но уважаемые коллеги забыли, что не еврейское это место — Дом кино заведовать. Здесь всегда сидели уважаемые товарищи полковники и вдруг — Гусман! Словом, в горкоме сказали: что, в Москве своих жидов мало, чтобы из Баку их тащить? Но мои товарищи взяли доказатель, что Гусман — особый и незаменимый. Через тринадцать месяцев доказали...

— Значит, так вы стали москвичом. Или гражданином мира?

— И вы куда же? Одно время меня очень любили спрашивать о том, есть ли у меня собственность за рубежом. В понимании рядовых российских граждан наличие заграничного домика является высшим свидетельством богатства. Людям и в голову не приходит, что человеку, который имеет возможность свободно перемещаться по миру, нет никакого смысла обременять себя лишними заботами, которые неизбежно влечет покупка недвижимости. Но как объяснить все эти детали россиянам, на протяжении десятилетий мечтавшим о скромной двухкомнатной квартире? Увольте! Чем убедительнее я буду в своих рассказах, тем больше сомнений зароню в души.

...Комплекс провинциальности, знаете, как проявляется? Вы приходите домой и начинаете читать что-то, как устали на работе. Жена миглом настораживается: обычно вваливается в дом, молча и мрачно жрет своей борщ, а тут, понимаешь, разговорился. Значит, что-то случилось? Де шлялся, зараза?

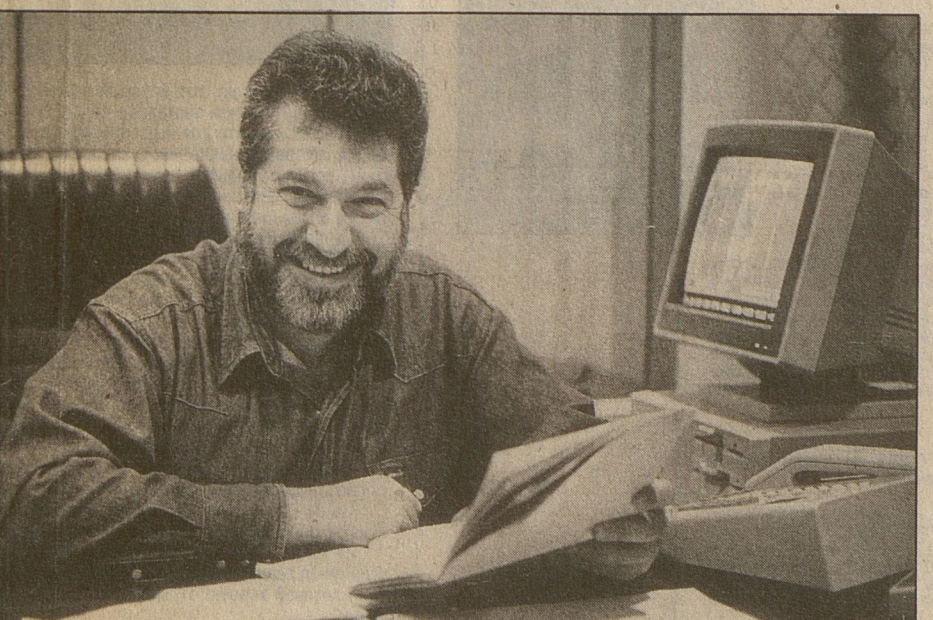
Поэтому я спокойно реагирую, когда известный режиссер по имени Костя год за годом поздравляет меня с покупкой шикарной виллы в Израиле. Я об одном прошу: покажи мне мое, чтобы я хоть знал, где переночевать можно, когда в Тель-Авиве прилечу.

Бывают и более трагические ситуации. Дима Крылов, тележурналист и мой приятель, приезжает в город Майами, где Гриша Горин и я отдыхаем между концертами, с которыми мы чем-то катимся по Штатам, зашибая при этом дюжину денег — до трехсот долларов на двоих за выступление. Дело происходило около десяти лет назад, на заре перестройки. Что делает Дима? Он пользуется тем, что моя фамилия очень распространена в испаноязычной части США, и снимает яхту с названием "Гусман", дом с табличкой у входа "Гусман", даже площадь имени Гусмана. И тут же Крылов записывает как бы шуточный текст, видите, до чего здорово устроился бывший кавказец? Весь Майами купил!

Потом Дима показывает нас с Гришей, загорающих у бассейна. То, что этот бассейн находится в дешевом мотеле, в кадре не видно. Фильм Крылова входит на экран... В Израиле и Азербайджане в эту байку поверили все, в Москве — процентов девяносто смотрели. Я боялся одного: чтобы рзкет не потребовал доли от собственности в Майами...

Что это означает? Мифологизмы были и будут сильнее здравого смысла. С этим нужно считаться. Поэтому, если услышите новую байку обо мне, не полнитесь, позвоните — с удовольствием послушаю, хотя по традиции комментировать не стану...

Р.С. Совершил невозможное — перечитал еще раз собственное интервью. Убедился: зря Гусман на себя напраслину возводит, никакой он не маньяко-депрессант, а самый что ни на есть нормальный человек. Это я авторитетно заявляю — как шизоид с графоманскими наклонностями...

Моск. правда, 1997, 22 февр. - с. 3
Гусман Юлий

Андрей ВАНДЕНКО,
ИО "Новый Взгляд"
22.02.97